

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕФЛЕКСОВ НОСТРАТИЧЕСКИХ КОРНЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ ВОЛЖСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКАХ

1. В качестве объекта исследования были взяты слова с наиболее древними корнями в волжско-финских языках. Существование таких корней зафиксировано уже в общеностратическом языковом состоянии, которое соответствует приблизительно эпохе неолита. В докладе предпринимается попытка установить, как связан «возраст» корней с семантикой слов, образованных от этих корней и функционирующих в современных языках; какие изменения произошли в семантике рефлексов ностратических корней по сравнению со значением самого ностратического корня. В дальнейшем анализ может быть дополнен изучением этимологических гнезд и протосинонимов, сопоставлением с родственными словами в других языках уральской языковой семьи и в других ностратических языках и т. д.

2. Мысль о связи отдаленным родством индоевропейских, урало-алтайских, семитохамитских и, возможно, других языков была высказана впервые с 1903 г. датским компаративистом Хольгером Педерсеном. Однако теория генетического родства упомянутых и некоторых других языковых семей, принадлежащих к одному общему языку-основе, сформулирована значительно позже, в 60-е гг. XX в. В. М. Илличем-Свитычем и А. Б. Долгопольским. Эта новая макросемья (или фила), ветвями которой являются шесть праязыков (праиндоевропейский, прауральский, праалтайский, прасемитохамитский, пракартвельский и прадравидийский) была названа ностратической. Для получения ее использовалась методика ступенчатой реконструкции, при которой сравнение между отдельными семьями осуществляется на уровне гипотетических праязыков. Уточнения старых реконструкций и поиски новых корней, сохранивших свои рефлексy (слова-потомки ностратических корней) в современных языках шести перечисленных языковых семей активно ведутся уже 30 лет. При системном анализе ностратической лексики (точнее, корней) необходимо учитывать, что каждый из реконструированных ностратических корней (т. е. сходно звучащих морфем со сходными значениями) относительно редко бывает представлен во всех шести праязыках — ветвях ностратической семьи. Значительно чаще ностратический корень оказывается собственным лишь части ветвей ностратической семьи и при этом никогда не встречается во всех языках соответствующей семьи (напр., уральской). Возможно, эти лакуны объяснимы тем, что среди лингвистов, занимающихся ностратическими реконструкциями, нет узких специалистов по волжско-финским, пермским или обско-

угорским языкам, а рефлексy, отсутствующие в литературных языках, могут быть в диалектах.

3. Словарь В. М. Иллича-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков» под ред. В. А. Дыбо (М., т. I — 1971, т. II — 1976, т. III — 1981) содержит около 380 этимологий ностратических корней. Из них 200 корней (52%) имеют родство с уральскими языками. Среди ностратических корней, родство которых с уральскими языками доказано, в современных волжско-финских языках обнаружено 64 ностратических рефлекса, т. е. корневых слов с ностратическими корнями, срок жизни которых измеряется не столетиями, а тысячелетиями! Эти вечно живущие корни обросли множеством производных, дав не одну сотню слов современному языку. В мордовских языках таких долгожителей 42, а в марийских — 51 (общих рефлексов для марийских и мордовских языков 29, встречающихся только в марийских — 22, а только в мордовских — 13). Наличие в языке конкретных слов есть свидетельство того, что человеку древнего мира был знаком и важен предмет или процесс, названный данным словом. В словах закреплено то, что обращает на себя внимание внешним сходством или сходством по функции, в связи с чем возникают переносные значения. Современные ностратические исследования позволяют уже сейчас наметить словарь-тезаурус наиболее древней части лексики. В современных волжско-финских языках слова, образованные от ностратических корней, могут быть сгруппированы в лексико-семантические поля, среди которых наиболее четко выделяется поле названий частей тела человека. В мар. (луг.) к этой группе относятся *нер* «нос, рыло, клюв...» (ностратический корень № 316/далее — нк №/ne/rH/i), *кид* «рука» (нк 80 gäti), *лапа* «ступня, лапа», горн. мар. «кисть руки» (нк 256 lar'a). Ср. эрз. *нерь* «рыло, клюв», *кедь* «рука», *лапа* «кисть, рука, стопа ноги, лапа, крыло». В последнем примере обращает на себя внимание тот факт, что современные омонимы на ностратическом уровне таковыми не являются. К этому же корню в эрзянском относится современное *лапужа* «сплюснутый, плоский», что и было исходным значением ностратического корня lar'a. Примером рефлексов ностратических корней в поле «родства и свойства» может служить мар. *нудо* (нк 315 na/t/o) «младшая сестра мужа или жены...». К полю «растений» относится мар. *ломбо* «черемуха» (нк 274 la/mH/u), *ошко* «осокорь, черный тополь» (нк 117 HosA). Поле «природа» представлено в марийских языках словами *тул* «огонь» (нк 71 duli), *пыл* «облако» (нк 13 bilwi), *ландака* «нижина» (нк 264 Lamd/i). Кстати, эрзянский глагол *ландямс* «присесть на корточки» относится на ностратическом уровне к тому же корню. В эрзянском и мокшанском языках в поле «природа», помимо слов, родственных перечисленным, есть еще слово *лей* «река» (нк 267 L/ä/jA) и др. Если ориентироваться на современные рефлексy ностратических корней в марийских и мордовских языках, то в протоуральский период были слова и со значением качества: мар. *нõргõ* «молодой, новорожденный» (нк 318 ña - gA).

ончыл «передний» (нк 115 HопC^A), которых нет в мордовских языках, мар. *поро* и эрз. *паро* «добрый, хороший» (нк 7 вага) и проч. В волжско-финских языках встречается немало глагольных ностратических корней: мар. *покташ* «гнать, обращать в бегство» (нк 15 вок/л), *шулаш* «резать /хлеб/», «кроить» (нк 33 calu), эрз. *ландямс* «присесть на корточки» и др.

4. Среди перечисленных слов с ностратическими корнями есть такие, которые сохранили, судя по параллелям, свое первичное значение (*тул, пыл, мушкаш*). Но большинство испытало значительные семантические изменения. Так, в мар. *ший*, эрз. *сия* (нк 37 säjha со значением «мерцать») появилось значение «серебро», т. е. это то, что сияет, блестит, мерцает (ср. рус. *сиять*). В уральских языках (как и в дравидийских и в некоторых диалектах индоевропейских) прошел семантический процесс развития от «думать» (нк 281 mapu) через значение «отгадывать, заклинать, говорить» у прауральского mapA/moA/*mapo к значению «говорить» — ср. современные мар. *манаш* «говорить, сказать» и эрз. *мунямс* «колдовать, ворожить». Значение нк 33 calu «расщеплять, резать» (то же самое в прауральском) варьировалось в мар. *шулаш* в «резать /хлеб/ и кроить». Таких примеров можно привести немало, причем нередко объяснение семантических сдвигов можно найти не в рефлексах уральских языков, а в рефлексах других ветвей ностратического дерева.

5. Анализ слов, имеющих в волжско-финских языках самые древние (ностратические) корни, позволяет по-новому взглянуть на историю развития этих слов в современных волжско-финских и других уральских языках. Типологическое изучение рефлексов ностратических корней открывает широкие перспективы в установлении общей картины развития лексики от древности до наших дней. Более того, анализ ностратической лексики и ее рефлексов в современных волжско-финских языках позволит вскрыть неписаную историю древних жителей земли, принадлежащих ностратической фило, — жителей эпохи неолита.

Н. Г. Кузнецова

Томск

ДЕЕПРИЧАСТИЯ В САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Общим признаком деепричастий считается то, что все они представляют собой формы, в которых получает выражение синтаксическое подчинение одного глагола другому (М. И. Черемисина). Наряду с неспрягаемыми деепричастиями (русские и многие тюркские) в сибирских языках (якутский, бурятский, эвенкийский) обнаруживаются и спрягаемые. Среди неспрягаемых деепричастий выделяются такие, которые, подобно русским, всегда ориентируют свое действие